

В.В. Подопригора*

V.V. Podoprigora*

**Концепция «Русской монархии»
в «Кройныке о Белой и Черной Руси»
XVII века и Киево-Печерский
монастырь**

**The Concept of Russian Monarchy
in the Chronicle of the White and Black
Russia of the 17th Century
and the Kiev Pechersk Monastery**

doi:10.31518/2618-9100-2022-2-2

doi:10.31518/2618-9100-2022-2-2

УДК 947

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Подопригора В.В. Концепция «Русской монархии» в «Кройныке о Белой и Черной Руси» XVII века и Киево-Печерский монастырь // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 27–41. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-2-02.pdf>

Podoprigora V.V. The Concept of Russian Monarchy in the Chronicle of the White and Black Russia of the 17th Century and the Kiev Pechersk Monastery // Historical Courier, 2022, No. 2 (22), pp. 27–41. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-2-02.pdf>]

Abstract. The article discusses the narrative on Old Russian history from the first half of the 12th to the mid-13th century in the Chronicle of the White and Black Russia within the historical compendium appeared in the first third of the 17th century in Ukrainian territories of Polish-Lithuanian Commonwealth. The ways of quoting the main sources of this work are investigated. It is established that the selection of information from them by compiler caused by a certain concept of the history of the Russian Monarchy. The narrative highlights the dynastic branch of Kievan and Volhynian princes. From this position, the compiler edited the sources and selected from them certain historical plots related to the figures of Iziaslav II Mstislavich, Mstislav II Izyaslavich, Roman the Great and Daniel of Galicia. The antithesis of the Volhynian branch of the House of Monomakh and other Rurikovites, especially those who applied for the Kievan throne (Yuri I Vladimirovich, Andrei I Yuryevich, Rurik Rostislavich, Yaroslav II of Vladimir), is consistently carried out in the Chronicle. The apogee of the “Russian Monarchy” for the compiler was the reign of Daniel of Galicia. The unique reports of the Chronicle about the events of the 13th century have been revealed. The line of historical continuity leads to the descendants of Daniel of Galicia – the princes of Ostrogski family – the famous patrons and donators of the Kiev Pechersk Monastery.

Keywords: historical narrative, Ukrainian chronicle of the 17th century, Slavic-Russian Chronicle, Krasnoyarsk copy of the Ukrainian chronicle, Volhynian Monomakhovichi, Maciej Strykowski, Khlebnikov copy, Daniel of Galicia, Ostrogski family, Kiev Pechersk Monastery.

The article has been received by the editor on 04.01.2022.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается повествование о русской истории второй половины XII – середины XIII в. в «Кройныке о Белой и Черной Руси» в составе исторической компиляции, сложившейся в первой трети XVII в. на украинских землях Речи Посполитой. Исследуются способы цитирования основных источников этого раздела. Установлено, что отбор сведений из них обусловлен определенной концепцией истории «Русской монархии». В повествовании выделяется династический ряд киевских и волынских князей. С этих позиций составитель редактирует источники и выбирает из них определенные сюжеты, связанные с фигурами Изяслава Мстиславича, Мстислава Изяславича,

* **Подопригора Василий Вячеславович**, кандидат филологических наук, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: 5812_m@ngs.ru

Podoprigora Vasilii Vyacheslavovich, Candidate of Philology, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: 5812_m@ngs.ru

Романа Мстиславича и Даниила Романовича. Последовательно проводится в «Кройныке» антитеза волынских Мономаховичей и других Рюриковичей, особенно тех, кто претендовал на киевский стол (Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Рюрик Ростиславич, Ярослав Всеволодович). Апогеем «Русской монархии» для составителя стало княжение Даниила Галицкого. Выявлены уникальные известия «Кройныки» о событиях XIII в. Линия исторической преемственности ведет к потомкам Даниила Галицкого – роду князей Острожских – известных покровителей и «фундаторов» Киево-Печерской лавры.

Ключевые слова: историческое повествование, украинский хронограф XVII в., «Кройника славянорусская», Красноярский список, волынские Мономаховичи, Мацей Стрыйковский, Хлебниковский список, Даниил Галицкий, Острожские, Киево-Печерская лавра.

«Кройника славяноруская о панствах русских, польских и литовских» – такое название носит одна из частей всемирно-исторической компиляции, известной как украинский хронограф 2-й редакции¹, поздний украинский хронограф² или под оригинальным заглавием «Летописец, си ест Кройника». В первоначальном виде этот памятник сложился в конце 1620-х гг.³ В статье будет рассмотрено, каким образом в нем строится повествование о русской истории XII–XIII вв. – времени, когда складываются удельные княжества и идет непрерывная борьба за киевский великокняжеский стол между смоленскими, черниговскими, владими́ро-суздальскими и волынскими князьями, а Киев постепенно утрачивает свой столичный статус. Эти события изложены в самостоятельном ее разделе, имеющем заглавие «Кройника о Бѣлой і Чорной Руси, Входней, Полночній, Полуденій и о всѣхъ народехъ ихъ старожитныхъ и ихъ княжатахъ великоновгородскихъ, зборскихъ, псковскихъ, бѣлоозерскихъ, киевски(х), луцкихъ, володимерски(х), волинскихъ, галицкихъ, подгорскихъ, подолски(х) и иныхъ славны(х) народа(х) русскихъ»⁴ (далее – «Кройныка»).

Известно 10 списков хронографа, содержащих «Кройныку». Мы обращались к Красноярскому (Буслаевскому) списку середины XVIII в.⁵, хранящемуся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ). Этот список представляет собой, как установил Н.Н. Улащик, копию Тобольского списка (Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске, отдел рукописных книг, № 78). Именно последний был принят как наиболее исправный при публикации в томе 32 ПСРЛ другой части памятника – «Кройники литовской и жмойтской»⁶. Что касается интересующего нас раздела, то он до сих пор остается неизданным, за исключением фрагментов, так или иначе касающихся истории Литвы, опубликованных в Приложении к тому 32 ПСРЛ⁷. Эти списки представляют собой

¹ Мыцьк Ю.А. Украинские летописи XVII века. Днепропетровск, 1978. С. 32.

² Лаврский альманах / ред. рада: В.М. Колпакова (відп. ред.) та ін. Спецвип. 2: Синопис Київський / І.В. Жиленко. Київ, 2002. С. 35.

³ Князьков Ю.П. Украинский хронограф как источник по отечественной истории: дис. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1984. С. 61.

⁴ Российская национальная библиотека (РНБ). ОСРК. Ф. IV.727/2. Л. 16. Такой заголовок возник под влиянием «Хроники» Стрыйковского, где один из разделов озаглавлен как «...o Białej i Czarnej Rusi, wschodnich, południowych i północnych narodach starożytnych, i ich xiążętach wielkonowogrodzkich, izborskich, pskowskich, białozejerskich, kijowskich, łuckich, włodimirskich, halickich, wołuńskich, podgórskich, podolskich, etc.» (Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkiéj Rusi. T. I. Warszawa, 1846. S. 108). Здесь и далее мы пользуемся текстом «Хроники» М. Стрыйковского, изданным Николаем Малиновским в 1846 г. в Варшаве на основе ее кенигсбергского издания 1582 г.

⁵ РНБ. ОСРК. Ф. IV.727/2. Описание рукописи см.: Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1894 г. СПб., 1897. С. 223–224; Улащик Н.Н. Предисловие // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 32: Хроники Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи Баркулабовская, Аверки и Панцьрного. М., 1975. С. 6; Князьков Ю.П. Украинский хронограф как источник по отечественной истории: дис. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1984. С. 47–49.

⁶ Хроника литовская и жмойтская // ПСРЛ. Т. 32: Хроники Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи Баркулабовская, Аверки и Панцьрного. М., 1975. С. 15–127.

созданную на украинской почве редакцию, тогда как в более ранней Московской рукописи⁸, сложившейся, согласно выводам Ю.П. Князькова, в белорусско-литовской среде, подверглось сокращению множество подробностей об истории Киева, Киево-Печерской лавры и Галицко-Волынской Руси, представленных в остальных списках⁹ и испытавших влияние Киевского Синописа.

Состав источников украинского хронографа 2-й редакции в целом и его частей был рассмотрен А.Н. Поповым, В.Н. Науменко, В.С. Иконниковым, А.И. Роговым, Н.Н. Улащиком, Ю.П. Князьковым. При этом недостаточно изученным остается идейное содержание памятника, проявившееся, прежде всего, в способах обработки компилятором его источников. Гораздо лучше в этом отношении изучены памятники исторического повествования второй половины XVII в.: Синописис Иннокентия Гизеля, «Кройника» Феодосия Софоновича, «казацкие летописи».

Главным источником интересующего нас раздела стала «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» Мацея Стрыйковского¹⁰. Как установил Ю.П. Князьков, составитель компиляции обращался к рукописному переводу «Хроники» на украинский язык в составе открытого им в ЦНБ АН Украины так называемого сборника А.М. Лазаревского¹¹. Вторым по важности источником рассказа об истории Южной и Юго-Западной Руси XII–XIII вв. стал южнорусский летописный свод конца XIII в. Он был известен составителю в рукописи, близкой Хлебниковскому списку XVI в.¹² (далее – Хлебн). Список, хранящийся в РНБ¹³, наиболее исправно среди прочих списков передает текст протографа свода, сложившегося в конце XIII в. на Волыни.

Именно с этими двумя основными источниками мы будем сравнивать повествование «Кройныки» и попытаемся проследить, как автор «Кройныки» (или один из редакторов) их цитирует, как отбирает сведения из них, потому что в характере их обработки проявляется своеобразие его исторической концепции. Перефразируя слова С.Л. Пештича об авторе киевского «Синописа»¹⁴, о составителе «Кройныки» можно сказать, что по правую руку от него лежала «Kronika polska, litewska, żmódzka» Мацея Стрыйковского в украинском переводе, а по левую – «Нестор кройникар Печерский», т.е. летописный сборник, подобный Хлебн. Рассказ «Кройныки» не выглядит простым восполнением лакун одного из этих источников сведениями другого: автор стремился создать целостное и вместе с тем полемическое и злободневное историческое повествование и поэтому активно редактировал и дополнял сведения своих источников.

История Руси, которая в «Кройныке» доводится до образования Киевского воеводства после 1471 г., представлена как история «Русской монархии». Это идея об исконном существовании на Руси государства с самодержавной властью, в истории которого периоды раздробления сменялись сплочением под суверенитетом «единовладцев» (Владимир Святославич, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах), а Киев понимался как его центр, возникший

⁷ Приложение // ПСРЛ. Т. 32: Хроники Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи Баркулабовская, Аверки и Панцьорного. М., 1975. С. 206–214.

⁸ РГАДА. Ф. 196. Оп. I. № 1638.

⁹ Князьков Ю.П. Украинский хронограф как источник по отечественной истории... С. 53–54.

¹⁰ «Автор хронографа поместил в русскую часть своего памятника, которая на 70 % состоит из сообщений, заимствованных из труда польского хрониста, почти без сокращений все известия Стрыйковского по истории Киевской Руси и русских княжеств XI–XII вв. Начиная с известий польского автора за XIII в. и последующее время автор украинского хронографа сильно сокращал обширный труд Стрыйковского, заносая в хронограф лишь отдельные известия» (Князьков Ю.П. Украинский хронограф как источник по отечественной истории... С. 96).

¹¹ Там же. С. 93–94.

¹² РНБ. ОСРК. F.IV.230.

¹³ Описание см.: Клосс Б.М. Предисловие к изданию 1998 г. // ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. С. G–H.

¹⁴ Пештич С.Л. «Синописис» как историческое произведение // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XV. М.; Л., 1958. С. 289.

еще до его захвата Олегом в 882 г.¹⁵ Так или иначе, эта идея представлена в польской хронографии XVI в., но в наиболее целостном виде нашла отражение в именно в «Хронике польской» М. Стрыйковского¹⁶. Генезис этой идеи и ее воплощение в памятниках исторического повествования нуждаются в дальнейшей разработке, пока же только отметим, что она, вероятно, исходила от меценатов Стрыйковского – представителей княжеских родов Ходкевичей, Олельковичей-Слуцких и др.¹⁷

Знаковой, как и для южнорусского свода конца XIII в., для автора «Кройныки» становится фигура Владимира Мономаха. В известии о преставлении князя Мономах – «първовѣчный царь Киевский и всея России самодержецъ»¹⁸. В изложении событий борьбы за киевский стол в XII в. автор «Кройныки» проявляет симпатию к ветви сына Владимира Мономаха – Мстислава, а именно семейству Изяслава Мстиславича и его потомкам, получившим в вотчинное владение земли на Западной Волыни (волынские Изяславичи). Вслед за Хлебн здесь подчеркивается, что Изяслав после смерти Всеволода Ольговича занимает киевский стол по приглашению горожан, при этом последовательно оправдываются действия Изяслава в противоборстве с ростово-суздальским князем Юрием Долгоруким, тогда как Стрыйковский представляет Изяслава нарушителем перемирия, ранее заключенного с Юрием после осады Луцка войсками Юрия. Уход польских и венгерских союзников от Изяслава во время его войны с Юрием у Стрыйковского объясняется «бездеятельностью и несмелостью» князя¹⁹. В то же время без каких-либо изменений «Кройныка» повторяет в целом сочувственный князю рассказ польского хрониста о кампаниях Изяслава Мстиславича и его сына Мстислава в начале 1150-х гг.: война Изяслава с Владимиром Галицким оправдывается «окрутенством» Владимира над перепившимися союзниками Изяслава – венграми, которых привел Мстислав, также заимствуется рассказ Стрыйковского о победоносном походе Изяслава Мстиславича на половцев в 1151 г.

Небольшие, но показательные разночтения со Стрыйковским появляются в изложении последних эпизодов киевского княжения Изяслава Мстиславича. Так, в эпилоге главы о походе Изяслава на Галич в «Кройныке» говорится более определенно об итогах «домовой войны» под Галичем, изменены детали и общий тон известия о преставлении и погребении Изяслава.

«Кройныка»	Стрыйковский
...на остатокъ помѣшались обои войска же, одинъ другого биль, незнаючи, гдыжь Русь была все, а свой своего биль. И такъ розышлися с поля, <i>еднакъ же Изяславови льпшиъ добито уступиль до Киева</i> . А скоро до Киева Изяславъ верънулся <i>смерти должное воздаде</i> и погребеньъ есть в Киевѣ в церкви монастыра святого Феодора в отеческом гробѣ <i>ноемврия 30 дня</i> ²⁰	...na ostatek pomieszały się obiedwie wojska, iż jeden drugiego nie znał (bo wszystko Russacy byli) a swój swojego bił, także obiedwe stronie za zwyciężonych się mając, z onego pobojszcza odeszli. A skoro się Isasław do Kijowa wrócił, uiścił się śmierci z długu będąc na rok zawity pozwany, lata od narodzenia Christusa Pana 1158, Novembra miesiąca 13 dnia, pochowan w monasterze S. Fiedosia, albo Fiedora w Kijowie ²¹

Сообщение Стрыйковского о смерти Изяслава легко понять в том смысле, что князь умирает, вызванный за свое участие в междоусобных «ростерках», как следует из предшествующего изложения, на загробный суд (na rok zawity pozwany). Тогда как в «Кройныке»

¹⁵ См. подробнее: Карнаухов Д.В. Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск, 2010. С. 90.

¹⁶ Там же. С. 115.

¹⁷ Семенчук А.А. К вопросу об источниках хроники Мацея Стрыйковского // Славяноведение. 2014. № 2. С. 70.

¹⁸ РНБ. ОСРК. F. IV.727/2. Л. 75.

¹⁹ Strykowski M. Kronika polska... S. 198.

²⁰ РНБ. ОСРК. F. IV.727/2. Л. 82.

²¹ Strykowski M. Kronika polska... S. 200.

такие коннотации совершенно исчезают. Кроме того, здесь устранено ошибочное отождествление польским историком Феодоровского (места погребения Изяслава) и Киево-Печерского (Феодосьева) монастырей.

Симпатия «Кройныки» к волынской ветви Мономаховичей еще более заметно проявляется в сюжетах, связанных с сыном Изяслава – Мстиславом, трижды (в 1159, 1167–1169, 1170 гг.) занимавшим киевский стол. В рассказе о его войне с Юрием Долгоруким, в целом следующем Стрыйковскому, Изяслав выведен как самостоятельная фигура, отстаивающая свои права от притязаний Юрия Долгорукого. В свою очередь, у Стрыйковского Мстислав предстает претендентом на киевский стол, выдвинутым польскими князьями Болеславом Кудрявым, Мешко и Генрихом²². В изложении Стрыйковского активную помощь Мстиславу во время осады Владимира Юрием, закончившейся отступлением войска ростово-суздальского князя, оказывают именно польские наемники, о чем совершенно не упоминает составитель «Кройныки». Отметим пока, что эта антитеза волынских Мстиславичей и владимиросуздальских потомков Юрия Долгорукого проявится и в дальнейшем повествовании «Кройныки» о событиях XII–XIII вв.

В главе 138 «Кройныки» помещено известие о киевском походе Андрея Боголюбского в 1169 г. По словам автора, претензии суздальского князя на киевский стол были обоснованы только его своеволием: он выступает в поход, «видя сѣбе быти паче иных князе[й] ближашаго по отцу своему престола Киевского»²³. Бегство Мстислава Изяславича из Киева во Владимир Волынский оправдывается тем, что Андрей Боголюбский собрал огромное войско союзных князей, противостоять которому было невозможно, и взял Киев в осаду. При этом амплифицируется рассказ Стрыйковского о бесчинствах союзных войск в Киеве и разграблении киевских церквей и монастырей, что составитель «Кройныки» сравнивает с избиением вифлеемских младенцев царем Иродом. Здесь становится заметно влияние Хлебн: «...и бы(сть) въ Кіевѣ на все(х) человеце(х) стенаніе и туга и скръбь неутѣшима и слезы непрестанныя...»²⁴.

«Кройныка»	Стрыйковский
А пререченыи ... княжата, добывши замку и мѣста все Киевъ на рабоване жолнѣром своимъ выдали, котрыи, не контентуючися так богатымъ рабункомъ и славнымъ, церкви и монастыри зрабовали и все забрали. <i>И было видѣти тамъ плачи и рыдания священниковъ и иноковъ и мирскихъ и гонения велиего, яко во дни Ирода царя во Вифлѣме</i> ²⁵	A xiążęta przerzeczone dobywszy zamku i miasta Kijowskiego, żonę i syna Mścislawowego poimali, a miasto Kijowskie wszystko na łup i na drapiestwo żołnierzom swoim i rycerstwu dali, którzy nie przestawając na łupie miejskim dosyć okwitym i bogatym, święte kościoły, cerkwie i monastery wylupili i wybrali ²⁶

Далее в изложении борьбы за киевское княжение в «Кройныке» заметно сказывается враждебный тон в отношении потомка смоленской ветви Мономаховичей – князя Рюрика Ростиславича, ставшего виновником еще одного опустошительного взятия Киева в 1203 г. В главе 152, дословно следуя Стрыйковскому, автор «Кройныки» сообщает, что Рюрик «за злые свои учинки выгнанъ» киевлянами и вынужден просить помощи у половцев и Ольговичей. Поход его союзников на Киев выливается в разорение города: «...там же половцы церковь митрополитанскую Святой Софии, иншие церкви и монастырѣ доценту зрабовали, а з людихъ старыхъ и недолужныхъ, насмеваючися, еднихъ посѣкли, а другихъ послѣпили, чернцовъ, черницъ, боярѣ, мѣщанъ, посполства з жонами и дѣтми до своего

²² Strykowski M. Kronika polska... S. 201.

²³ РНБ. ОСПК. F. IV.727/2. Л. 83 об.

²⁴ РНБ. ОСПК. F. IV.230. Л. 237.

²⁵ РНБ. ОСПК. F. IV.727/2. Л. 84.

²⁶ Strykowski M. Kronika polska... S. 201–202.

панства в неволю забрали»²⁷. В дальнейшем повествовании вслед за Стрыйковским оправдываются действия сына Мстислава Изяславича – вольнского князя Романа Мстиславича против Рюрика в 1203 г., которые закончились насильственным постригом князя, его жены и дочери, а также пленением двух его сыновей Романом. Подчеркивается, что Роман постригает Рюрика не своим произволом, а «знамовою иншихъ князей рускихъ»²⁸. Захват и пострижение Рюрика оправдываются и его связью с половцами, разорявшими русские земли и Киев.

В известиях о деяниях Романа Мстиславича, знаковой и мифологизированной фигуры южнорусской истории XIII в., составитель «Кройныки» в основном следует польской хронографии, сохраняя свойственную ей противоречивую оценку этого князя. Как известно, сочувственного князю источника в древнерусской традиции в целостном виде не сохранилось, в современных событиях известия южнорусского летописного свода конца XIII в. (Хлебн) деяния Романа Мстиславича оцениваются с точки зрения его политического противника Рюрика Ростиславича.

Как и в случае с Мстиславом Изяславичем, Стрыйковский, как и польская историография начиная с современника галицкого князя магистра Винцентия Кадлубка, представляет Романа Мстиславича зависимым от польских князей и при этом постоянно нарушавшим с ними договоренности. Поэтому в истории борьбы за княжение в Галиче оценка Романа у Стрыйковского определяется отношениями князя с союзниками-поляками. В главе «Княжение Романа Мстиславича в Галичю», рассказывая о войне за галицкое наследство после смерти Владимира Ярославича в 1198 г., автор «Кройныки» передает польский источник с небольшими, но характерными дополнениями.

«Кройныка»	Стрыйковский
Галичане просили у Лешка Бѣлого, монархи Полского, абы им даль пана иншого, обѣцуючи ему дары великие. Агды не могли упросити, мусѣли Роману присягати на послушенство, а Романъ ихъ ласкаве принялъ и отцевско над ними пановати обѣцовалься и такъ в шапцѣ княжой [то есть митрѣ] на столицу Галицкую от митрополиты Киевского и епископовъ з звыклыми церемоніями былъ поднесенъ ²⁹	Prosili potym Haliczane łaski u Leska, monarchy Polskiego, obiecując mu wielkie dary, gdyby im sam panował, a książęciu ich Romanowi nie podawał. Ale gdy nie mogli skutku prośby swojej otrzymać, otworzyli bramy Halickiego zamku, gdzie Romanowi książęciu, za rozkazaniem Leskowym, wiarę i posłuszeństwo przysięgać musieli, a on im też łaskawie i sprawiedliwie panować obiecał; tamże w czapce książęcej na stolicę Halicką z zwykłymi ceremoniami od metropolita i władików był podniesion ³⁰

Согласно рассказу Стрыйковского, галичане обращаются к самому Лешку с предложением вступить на княжеский стол, тогда как в «Кройныке» – просят «пана иншого». В экспозиции этой главы опущены сообщения Стрыйковского о недавнем присоединении к Польше Перемышльского княжества и о поручительстве Лешка за Романа Мстиславича перед не желавшими его вокняжения галичанами. Кроме того, в «Кройныке» подчеркивается участие киевского митрополита в поставлении Романа на княжение, что не находит точного подтверждения в русских источниках. Однако здесь могла отразиться традиция, сказавшаяся также в известии 1189 г. в целом «прокиевской» Густынской летописи о борьбе за галицкое княжение, где сообщается о поддержке кандидатуры Романа Мстиславича киевским митрополитом Никифором³¹.

²⁷ РНБ. ОСРК. F. IV.727/2. Л. 87 об.

²⁸ Там же. Л. 89.

²⁹ Там же. Л. 88 об.

³⁰ Strykowski M. Kronika polska... S. 209–210.

³¹ См.: Подопригора В.В. Густынская летопись XVII в. о борьбе за галицкое княжение в конце XII – первой трети XIII в. // Исторический курьер. 2019. № 2 (4). Статья 2. С. 5. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-02.pdf>.

Практически дословно следует Стрыйковскому глава «Роман князь галицкий сталъ тираномъ окрутнымъ». Здесь повторяются типичные для польских хронистов обвинения Романа в насилии над галицкими боярами. Русский князь здесь сравнивается с тиранами древности Нероном и Диоклетианом (причем последняя аналогия отсутствует у Стрыйковского и, по всей видимости, добавлена составителем «Кройныки»). Однако и здесь составитель опускает пассаж Стрыйковского о том, что Лешек посадил Романа на княжение себе во вред (*ku swej szkodzie wprowadził*)³². И более того, нигде составитель «Кройныки» не называет Романа Мстиславича «псевдо-монархой», как это в своих сочинениях делает Стрыйковский³³, а напротив, подчеркивает права князя и его потомков на «царство» в Русской земле, а также последовательно проводит идею о перенесении Романом «российского самодержавия» из Киева в Галич. Характерно, что занимавшего галицкий стол уже после Романа участника битвы на Калке Мстислава Мстиславича³⁴, тестя и сюзерена Даниила Романовича, составитель называет «нашим» и дает ему похвальную характеристику, вспоминая победы князя над венграми и поляками: «...самъ Мстиславъ Мстиславичъ Храбрый н[а]шъ князь Галицкий – оный, который Коломана венгерского (+ поляков – *вставлено над строкой*) поразиль»³⁵.

Но наибольшее внимание и самую устойчивую симпатию составитель «Кройныки» проявил к сыну Романа Галицкого – вольинскому и галицкому князю Даниилу Романовичу. Вслед за Стрыйковским он подчеркивает права Даниила «яко власного дѣдича Руской монархии» на галицкий стол в его борьбе с венгерским королевичем Коломаном, а вокняжение Даниила в Галиче в 1222 г. характеризует так: «сѣдѣ на престолѣ **царьстѣмъ** в Галичу князь Данило Романовичъ»³⁶. В дальнейшем повествовании о событиях первой половины XIII в. составитель не забывает упомянуть, что Даниил был в те времена «всей Руси монархой». Рассказ об истории Даниила Галицкого в «Кройныке» насыщен подробностями, тогда как Стрыйковский представляет ее очень схематично и тенденциозно.

Если Стрыйковский изображает галицкого князя сильнейшим среди русских князей, то «Кройныка» рисует куда больший масштаб личности Даниила Романовича, упоминая о его старшинстве не только в Галицкой, но и в Киевской земле, о победоносных войнах с поляками, венграми, литовцами и ятвягами. При этом составитель «Кройныки» активно приводил известные ему из свода типа Хлебн сведения.

«Кройныка»	Стрыйковский
Данило Романовичь опановаль Галицкую столицу, который тежь будучи з роду рускихъ княжатъ, а монархии Галицкое и Киевское земль потужнѣйший, иншихъ княжатъ рускихъ противныхъ собѣ часть войною зголдоваль и до послу-	A książę Daniło Romanowic, będąc i zrodu Ruskich monarchów i przybycim Halickiej ziemie potężniejszym, inszych kniaziów Ruskich przeciwnych sobie, częścią wojną zhołdował i do posłuszeństwa przywiódł, a niektórych też w wiarę swoją przyjąwszy,

³² Strykowski M. Kronika polska... S. 211.

³³ Strykowski M. O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1978. S. 147; Kronika polska... S. 211.

³⁴ Мстислава Мстиславича составитель «Кройныки» вслед за Стрыйковским ошибочно именует Храбрым, тогда как в русских источниках князь известен под прозвищем Удатный (т.е. Удачливый).

³⁵ РНБ. ОСРК. Ф. IV.727/2. Л. 94. Здесь эта похвала призвана уравновесить неблагоприятный поступок Мстислава Мстиславича, после поражения русско-половецкого войска спасающегося от татар на челнах, которые затем, не дожидаясь остальных, приказывает сечь.

³⁶ РНБ. ОСРК. Ф. IV.727/2. Л. 97. Характерно, что при упоминании о королевском и царском титуле Даниила Романовича Стрыйковский сравнивает его с царским титулом великих князей Московских: jako się dziś Moskiewski tytułuje (Strykowski M. Kronika polska... S. 291). Сравнивает Стрыйковский и отца Даниила – Романа Мстиславича как «единовластного» правителя, повелевающего удельными князьями, с московским царем (Strykowski M. Kronika polska... S. 211). О семантике царского титула Вольнских Мономаховичей применительно к XVII в. см. статью: Майоров А.В. Царский титул галицко-вольнского князя Романа Мстиславича и его потомков // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2. С. 250–262.

шенства привель, также опановаль и Литву през войну, зачимъ монархией всея России на полудню лежакою пановал и росказоваль, венгровъ, Полцу и Мазовшу, ятвяговъ и Литву уставичными воеваль наъздами, подбиваючи под моцъ свою ихъ ³⁷	przychylnych sobie zjednał, za czym wielką mocą będąc monarchą prawie wszystkiej Rusi na południe łączący, panował i rosказował ³⁸
--	---

Для рассказа о княжении Даниила составитель значительно чаще привлекает известия русских летописей, но даже этих сведений ему оказывается недостаточно, чтобы описать столь яркий и богатый событиями период. Поэтому он (либо один из редакторов «Кройныки» – для однозначного ответа требуется привлечение прочих списков) прибегает к амплификации некоторых сюжетов частично за счет собственных впечатлений, а также, возможно, обращаясь к неизвестным источникам.

Эти примеры представляют большой интерес, поэтому мы рассмотрим их подробнее. Так, расширению подвергся цикл повестей о нашествии Батые на Русь 1237–1241 гг. и последующем разорении Венгрии и Польши, основанный в «Кройныке», как установил Ю.П. Князьков, на Русском хронографе I редакции и летописных известиях³⁹. Исследователи уже обращали внимание на неизвестные русской летописной традиции эпизоды татарского нашествия, связанные с Киевом. Во-первых, это приход под Киев Менгу-хана, когда «некоторое рыцарство руское», выбравшись из города, разбило десятитысячный отряд монголов⁴⁰, а «самъ Менга ледво утеклъ до Батия в малой дружинѣ»⁴¹. Во-вторых, обширный рассказ об осаде и разорении монголами Киево-Печерского монастыря, дополняющий известное по русским летописно-хронографическим компиляциям повествование о взятии Киева. Его источником Ю.П. Князьков считает неизвестную монастырскую хронику, составленную до 1470-х гг., т.е. до восстановления обители Симеоном Олельковичем⁴².

Прочие примеры амплификации известий «Кройныки» об эпохе Даниила Галицкого не удостоивались внимания исследователей. В тех же главах о татарском нашествии мы обнаруживаем дополнения в эпизодах о разорении Батыем земель Галицко-Волынского княжества. Как ни парадоксально, в современной этим событиям третьей части Хлебн эти события изложены без каких-либо подробностей. В «Кройныке» сообщается, что после отъезда Даниила и Василька Романовичей в Мазовию Батый взял Владимир Волынский, а затем приводятся подробности взятия Колодяжина. Сообщается, что Батый «пришолъ до замку Колодежна, котрого не могучи взяти штурмами, учинилъ подсаду, бо было тое мѣсце с прироженья своего барзо оборонное, а взявши его весь людъ высѣклъ и выпалилъ его»⁴³. Здесь версия «Кройныки» несколько расходится с Хлебн, согласно которому татары взяли город в осаду и поставили 12 орудий, но потерпели неудачу и только тогда начали переговоры с горожанами, а потом перебили доверившихся им защитников города⁴⁴. Возможно, автор (либо один из редакторов) сам происходил из волынских земель и имел представление о руинах Колодяжина, стоявшего на высоком правом берегу Случи.

Если эпизод разорения Колодяжина обнаруживает лишь небольшие разночтения с Хлебн, то о судьбе Галича, который, согласно «Кройныке», был в это время центром «монархии

³⁷ РНБ. ОСРК. Ф. IV.727/2. Л. 98.

³⁸ Strykowski M. Kronika polska... S. 290–291.

³⁹ Князьков Ю.П. Украинский хронограф как источник по отечественной истории... С. 127.

⁴⁰ Ю.П. Князьков видит в этом сообщении параллели с устной традицией, а именно с былинным сюжетом о Калине-царе, который мог стать отголоском действительно происходивших событий. «Автор украинского хронографа мог использовать киевское предание о поражении Менгу-хана из несохранившейся летописи, но не исключено и действительное столкновение киевлян с татарским отрядом в несколько сот или тысяч человек, ввиду отрывочности известий основных летописей забытое к настоящему времени» (Там же. С. 128).

⁴¹ РНБ. ОСРК. Ф. IV.727/2. Л. 102.

⁴² Князьков Ю.П. Украинский хронограф как источник по отечественной истории... С. 131.

⁴³ РНБ. ОСРК. Ф. IV.727/2. Л. 104 об.

⁴⁴ РНБ. ОСРК. Ф. IV.230. Л. 329 об. Аналогично изложен этот эпизод и в Русском Хронографе: «...и град Колодяжну прельстивъ, занеже не мощно его взяти» (ПСРЛ. Т. 22: Русский Хронограф. М., 2005. С. 399).

Руской», Хлебн вообще не сообщает никаких подробностей, кроме самого факта взятия города. В то же время «Кройныка» посвящает этому событию целую главу «О взятю Галича през Батия». Процитируем ее полностью:

«Року 1241 от тамтоля Батий зо всѣми ордами своими пустился до Галича, до котрого идучи всѣ мѣста на дорозѣ собѣ будучие попустошилъ. Агды пришоль до Галича, взявъ его недѣли другой, добывши штурмами, и всѣ около его мѣста и всю волость спустошил огнемъ и мечемъ, и церковь катедральную митрополии Киевской на Крилосѣ Успения Пресвятыя Богородицы велми оздобную, в котрой было осмьдесять престоловъ, еяже Владимиръ Великий року от Рожества Христова 1015 былъ змуроваль и всяким благолѣпиемъ царским великимъ коштомъ украсилъ, всю Батий разби. Токмо единъ прѣдѣлъ остави. Церков же та бьяше созданна от тесаного камня. На остатокъ же все Подолье и Подгорье, Галичъ, Премышль, Белзь, Луцко, Дубно и без личбы мѣсть, котрыхъ теперь иншихъ и мѣстцъ не машъ где были, – все пустошилъ»⁴⁵.

Здесь явно автор выступает как очевидец, перечисляя названия городов и местечек, подвергшихся разорению татарами, о чем не сообщает Хлебн. Эта глава обнаруживает некоторые параллели с повестью «Кройныки» о взятии и разграблении Киево-Печерского монастыря, особенно с текстом, опубликованным Ю.П. Князьковым по Киевскому списку⁴⁶. В обоих известиях составитель кратко описывает архитектуру и убранство церквей, приводит исторические сведения об их основании. Что касается сообщений о Киево-Печерском монастыре, то здесь автор указывает их источник: Нестора и Вениамина – «кройныкаров Печерских». Во втором случае, скорее всего, он опирался на собственные наблюдения: из рассказа Хлебн известно, что Успенский собор после татарского нашествия уцелел. Разрушился он уже после присоединения Галицкого княжества к Польше, в конце XIV – начале XV в. В 1584–1586 гг. церковь была частично восстановлена из старых каменных блоков в селе Крылосе, возникшем на месте княжеского детинца древнего Галича. При этой церкви, принадлежавшей православной Киевской митрополии, львовский епископ и киевский экзарх Гедеон Балабан в начале XVII в. организовал типографию. Возможно, именно эту церковь составитель имел в виду под тем «единым пределом», который уцелел после Батыева нашествия. Подобные способы амплификации исторических сюжетов свидетельствуют о том, что автор выступает как очевидец, дополняющий на основе собственных наблюдений письменные источники⁴⁷.

На первый взгляд, приведенные сведения о кафедральном соборе Галича представляются гиперболизированными, хотя этот храм действительно был одним из крупнейших в Древней Руси. Что же касается столь ранней даты его основания, то здесь мы не должны обвинять автора в сознательной фальсификации, поскольку он мог опираться на документальный источник (его аутентичность в настоящее время отрицается, но не вызвала сомнений в XVII в.) – грамоту, датированную 8 марта 1302 г. Согласно этой грамоте, князь Лев «сын кроля Данила» дает доходное право церкви Успения Богородицы в Крылосе на села с прилежащими к ним землями. При этом в преамбуле грамоты от лица Льва Даниловича дается ссылка на права, которые ранее дал митрополитам и епископам «прадед нашъ царь великий Владимиръ и отецъ нашъ»⁴⁸. Очевидно, что автор стремился придать стольному граду «Руской монархии» действительно столичный масштаб, связав его кафедральный собор с личностью князя Владимира и его временами.

⁴⁵ РНБ. ОСПК. Ф. IV.727/2. Л. 104 об.

⁴⁶ Под шифром ЦНБ. ОР. I, 171 (Князьков Ю.П. Украинский хронограф как источник по отечественной истории... С. 222–223).

⁴⁷ Здесь проявился характерный и для русской исторической прозы XVII в. меморатный способ обработки источников. «Мемораты, как правило, не меняют текста источника (своего нового контекста), подвергаемого обработке, но за счет «припоминаний» дополняют и «поправляют» его» (Дергачева-Скоп Е.И. Сибирские летописи в исторической прозе XVII века: текст-контекст // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2000. Т. 1, вып. 1. С. 9).

⁴⁸ Грамоты XIV ст. Київ, 1974. С. 13.

В целом обстоятельства борьбы за киевский стол перед Батыевым нашествием изложены в «Кройныке» в соответствии с Хлебн. Здесь мы снова наблюдаем противопоставление двух ветвей потомства Владимира Мономаха: «монархи Русского» Даниила Галицкого и «суждальского» князя Ярослава Всеволодовича. Если Ярослав перед Батыевым нашествием взял Киев из страха, «хотячи безпечным быти от татаръ»⁴⁹, то Даниил, наоборот, заняв Киев, «посади в немъ воеводу своего именемъ Димитрия и заповѣда ему да хранить града и всячески боронить»⁵⁰. Именно этот «князь або воевода Димитрий ... мужь велми валечный» возглавил героическую оборону Киева и был пощажен самими татарами.

Наиболее оригинально в «Кройныке» изложены события, связанные с поездкой Даниила Галицкого к Батыю за подтверждением прав на княжение⁵¹. Им посвящена обширная глава «Данило монарха Руський голдовникъ Батиевъ». Вслед за Хлебн здесь сообщается, что перед поездкой в ставку Батыя на Волгу Даниил посещает Киев, но если в Хлебн князь останавливается для молитвы в Выдубицком Михайловском монастыре, то, согласно «Кройныке», он посещает еще и печерских отцов, «абы его Господь Богъ за ихъ молитвами без нарушеня спасения душевного и при здоровью его добромъ от того поганства звернулъ до Галича»⁵². Автор драматизирует эпизод приема Даниила у Батыя, упоминая о судьбе других князей, вынужденных ездить в ханскую ставку: замученного в Орде Михаила Черниговского и отравленного Ярослава Всеволодовича. После разорения Руси Батый требует от князей, «абы вси до него ѣхали а подданство с послушенством ему присягати, але впредь, нижъ до его приидуть, оныхъ княжать промижъ огня водити, который огонь от его чаровниковъ и офѣрниковъ былъ на двѣ мѣстца разложень, и кусту абы кланялися»⁵³. Эта участь ждала и Даниила, о чем ему говорит «пан один именемъ Сингор Ярославович», за которым скрывается упоминаемый в Хлебн «человек Ярославов» Соногур. Однако Батый призывает Даниила к себе, не требуя участия в языческих церемониях, и удивляется «надобной его особѣ, а уродивой и вспанялой поставѣ» (т.е. приятной наружности и красивому и величественному облику)⁵⁴. Далее рассказ «Кройныки» в основном следует Хлебн⁵⁵, включая знаменитый эпизод «злой татарской чести», когда Батый посылает Даниилу, не привыкшему пить «кобылий кумуз», вино. Однако в «Кройныке» это вино оказывается отравленным: «А то хотячи его (*на поле*: отруити) тымъ виномъ, бо была в немъ трутизна, которымъ напиткомъ частуючи княжать и панять русскихъ потруили, и померло ихъ много, а князя Данила Господь Богъ за молитвами Пресвятой Богородици и святого архистратига Михаила и преподобных отецъ Печерскихъ заховаль при здоровью»⁵⁶. Таким образом, по сравнению с Хлебн, усиливаются мотивы чуда и небесного заступничества. В русле тенденции «Кройныки» важно отметить противопоставление автором судьбы Даниила Галицкого, благодаря помощи Богородицы и молитвенному заступничеству печерских отцов избавленного от вероотступничества и смерти, и Ярослава Всеволодовича, которого прохождение языческих обрядов не спасло от отравления в ханской ставке. В этом эпизоде достигает кульминации антитеза «галицкой» и «суждальской» ветвей Мономаховичей.

Знаковым для повествования «Кройныки» эпизодом стала коронация Даниила Галицкого в Дорогичине в 1253 г.⁵⁷ Здесь ее рассказ наиболее полемичен по отношению к Стрыйковскому. По его версии, принятие королевской короны Даниилом вытекало из его претензий

⁴⁹ РНБ. ОСРК. Ф. IV.727/2. Л. 100 об.

⁵⁰ Там же. Л. 102 об.

⁵¹ Эта поездка Даниила датируется зимой 1245–1246 гг. (*Грушевський М.С. Хронологія подій Галицько-волинської літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 33*).

⁵² РНБ. ОСРК. Ф. IV.727/2. Л. 108 об.

⁵³ Там же. Л. 107.

⁵⁴ Там же. Л. 109.

⁵⁵ Если в Хлебн Даниил после приема у Батыя идет на поклон к «великой княгыни Баракчинови», то в «Кройныке» также кланяется и сыну хана и одаривает их «коштовными, а праве царскими упоминками» (РНБ. ОСРК. Ф. IV.727/2. Л. 109).

⁵⁶ РНБ. ОСРК. Ф. IV.727/2. Л. 109.

⁵⁷ В «Кройныке» указан 1257 г.

на абсолютное главенство среди русских князей, и галицкий князь неоднократно умолял папу Иннокентия IV о пожаловании ему королевского венца в обмен на принятие католической веры им и его потомками, что впоследствии не было исполнено⁵⁸. Современная событиям Хлебн излагает события ровно наоборот: именно папа, отправлявший к Даниилу несколько посольств, уговаривал галицкого князя принять королевский сан, пока тот, убежденный матерью и польскими князьями, наконец, не согласился на коронацию.

Автор «Кройныки» следует именно версии Хлебн и при этом весьма оригинально ее развивает, допуская, правда, некоторую путаницу разных лиц и эпизодов. Возвращаясь из Чешского похода, Даниил в Кракове принимает папских послов, которые «принесли ему от папы благословение, корону и скипетро царское, просячи его, абы не гордѣлъ благословением и ласкою папезскою». Принять корону Даниила умоляют польские епископы и князья, чтобы русский князь стал «оборонцею и защитомъ всѣхъ панствъ христіанскихъ и едности костела римского», однако он решительно отказывается, отвечая: «Не годит ми ся в чужомъ панствѣ такой санъ великий на себе брати, маючи свои власныи панства». Даниил возвращается в Холм и, посоветовавшись с братом Васильком, едет в Дорогичин, где снова принимает послов от польских князей Болеслава и Семовита, просящих его принять присланную от папы корону «на кролевство Руское», на что князь снова отвечает отказом. Наконец, к Даниилу с патетической речью обращается его мать: «Сыну мой Данило, чему так естесь затвердѣлого сердца, же такъ великого архиерея благословениемъ гордишь и не хочешь короны кролевской на голову свою взяти, за которую и иные князеве и кроли кровь свою проливають? А я, ненздная невѣста, нехай бымъ такъ была щасливая, абымся могла нижь умру маткою кролевкою зватися и тебе укоронованного видѣти»⁵⁹. Только услышав слова матери, Даниил «ревно плакаль и призволилъ на кролевство».

Как и в Хлебн, в «Кройныке» акцентируются гарантии православной церкви, данные папой Даниилу через послов: «Есьли бы хто мѣлъ вѣру святую грецкую и вси церемонии церкви святой всходней блюзнити и хулити, таковыи нехай будетъ проклять навѣки и по вас того, абысте мѣли вѣру свою ламати, нигды не хочеть»⁶⁰. Таким образом, из рассказа «Кройныки» следует, что решение о коронации Даниила было принято внутри семейства галицкого князя – предка князей Острожских и поставило его в равный ранг с династиями польских королей. Во-вторых, дипломатический ход Святого престола времен Иннокентия IV, когда перед Европой стояла татарская угроза, представлен как вечная гарантия православной церкви. При этом опускаются сведения Хлебн о желании папы «съборъ сѣтворити о правовѣрїи, о воединенїи ц[е]ркви»⁶¹. Неудивительно, что этот эпизод привлек такое внимание автора «Кройныки», заставшего, по всей видимости, времена Брестской унии 1596 г. и борьбы православных Польско-Литовской Руси с ее последствиями.

Вслед за Хлебн «Кройныка» освещает все знаменитые воинские деяния Даниила Галицкого: победу в Ярославском сражении над претендовавшим на галицкий стол Ростиславом Михайловичем в 1245 г., Чешский поход 1253 г., победоносные сражения с ятвягами и Литвой. Однако в рассказе о событиях второй половины XIII в. «Кройныка» резко отходит от Хлебн: составитель совершенно не проявил интереса к истории владимирово-волинского князя Владимира Васильковича (1249–1288) и его преемника – луцкого князя Мстислава Даниловича. Именно с их позиции излагается завершающая часть Хлебн. В изложении истории конца XIII – начала XIV в. «Кройныка» весьма некритически следует Стрыйковскому, который опирался на сведения поздних белорусско-литовских летописей. Поэтому в «Кройныку» проникает масса фактических неточностей: Шварн Данилович ошибочно фигурирует как «сестренец», а не сын Даниила Романовича, Галич неверно объявлен владением Василька Романовича (тогда как в действительности он достался Шварну), Мстислав

⁵⁸ Strykowski M. Kronika polska... S. 290–291. Кроме того, Стрыйковский ошибочно сообщает о двух коронациях Даниила.

⁵⁹ РНБ. ОСРК. F. IV.727/2. Л. 111 об.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ РНБ. ОСРК. F. IV.230. Л. 344 об.

Данилович вообще не удостоен упоминания, наконец, без каких-либо изменений излагаются полулегендарные известия о завоевании Волынского и Киевского княжеств литовцами, якобы происходившие в последней трети XIII в.⁶²

Наиболее показателен как образец выбора «Кройныкой» стороны старших сыновей Даниила Галицкого, а соответственно, и сведений из «Хроники» Стрыйковского рассказ об убийстве литовского князя Войшелка, целиком основанный на польском источнике: Лев убивает воспользовавшегося «интерегнумом» после смерти Даниила Войшелка, взявшего в свое владение несколько русских городов и представлявшего серьезную угрозу Волынскому княжеству. Тогда как, согласно Хлебн, Лев убивает уже принявшего «чернеческия порты» Войшелка в пьяной драке в монастыре Св. Даниила под Владимиром Волынским из зависти, что бывший литовский князь завещал княжение в Новогрудке Шварну Даниловичу, а не ему⁶³. Очевидно, столь явно компрометирующее старшего сына Даниила Галицкого известие Хлебн не удовлетворяло составителя «Кройныки».

Столь не критичный выбор составителем менее аутентичного источника в изложении событий второй половины XIII в. неудивителен, поскольку, согласно династической легенде⁶⁴, Владимир Василькович и Мстислав Данилович не были прямыми предками рода Острожских. В главе «Фамилия князят Острожских»⁶⁵, прерывающей рассказ о событиях конца 1260-х гг., княжеский род возводится к Роману Даниловичу. Рассказывая о постепенном возвышении волынской ветви потомков Владимира Мономаха, достигшего апогея в деяниях Даниила Галицкого, составитель перебрасывает мост от эпохи его сына Романа к истории Южной Руси XV–XVI вв., представляя линию преемственности русской истории: как наследники воинской славы Даниила Галицкого представлены в «Кройныке» Федор и Константин Острожские. Князья Острожские были известны как фундаторы Киево-Печерской лавры, а князь Федор около 1441 г. сам принял постриг здесь и был прославлен как преподобный. Поэтому автору (либо кому-то из украинских редакторов) было важно подчеркнуть молитвенное заступничество печерских старцев за их знаменитого предка – Даниила Галицкого.

Таким образом, несмотря на активное использование сочинения Стрыйковского в русских известиях «Кройныки», нельзя говорить о простом его копировании. Рассказ о борьбе за киевский великокняжеский стол разных ветвей семейства Рюриковичей изложен практически только на основе Стрыйковского. Без каких-либо изменений его известия о русских князьях XII–XIII вв. цитируются только там, где точка зрения польского историка совпадает с позицией составителя, который активно редактирует сведения из «Хроники» Стрыйковского в апологетическом духе, подчеркивая инициативу русских князей и их равноправие с польскими князьями и королями. Но что касается истории XIII в., то здесь составитель перестает следовать польскому историку, который явно не мог удовлетворить его как источник по истории Даниила Галицкого, и активно привлекает сведения Хлебн, сопровождая их оригинальными подробностями. В изложении таких знаковых событий, как принятие Даниилом королевского титула, «Кройныка» прямо полемизирует со Стрыйковским, развивая версию Хлебн и дополняя ее. В большинстве случаев известия польского историка о русской истории XII–XIII вв. подвергаются критическому переосмыслению, его фактические неточности и умолчания, как правило, устраняются. Тем более удивительным в этом плане выглядит абсолютное пренебрежение составителя рассказом Хлебн в главах «Кройныки», посвященных истории независимых от Литвы и Польши галицко-волыньских земель во второй половине XIII в. Объяснением этому может быть согласование повествования с

⁶² Рассказ о завоевании Волыни и Киева Гедимином в конце XIII – первой трети XIV в. был искусственно сконструирован, как отмечает О. Прицак, смоленскими книжниками в 20–40-е гг. XV в., составлявшими «Летописец великих князей Литовских» (*Pritsak O. Kiev and All of Rus': The Fate of a Sacral Idea // Harvard Ukrainian Studies. 1986. Vol. X, No. 3/4. P. 295–296*).

⁶³ РНБ. ОСПК. F. IV.230. Л. 359.

⁶⁴ О династической легенде Острожских см.: *Соболев Л.В. Генеалогическая легенда рода князей Острожских // Славяноведение. 2001. № 2. С. 31–44*.

⁶⁵ РНБ. ОСПК. F. IV.727/2. Л. 117–117 об.

династической легендой Острожских, возводивших свой род к одному из сыновей Даниила Галицкого – Роману. «Кройныка» последовательно проводит идею наследования славы «русских монархов» княжескими родами Литовской Руси – Острожскими, Слуцкими и др., которые прославились как покровители Киево-Печерской лавры. Хотя в целом история «Русской монархии», по «Кройныке», заканчивается трагически – с 1471 г. «царствование Киевское и самодержавное княжение за грѣхи челоувѣчския Богу тако попустившу в посмѣх таковый прииде, же от царствия во княжение, а от княжения в воеводство премѣнися»⁶⁶, этот факт уравнивается известием об обновлении церкви Успения Пресвятой Богородицы Симеоном Олельковичем, разрушенной в годы нашествия Батыя. Также «Кройныка» следует концепции перенесения «Русского самодержавия» в начале XIII в. в Галич. В этом отношении она стоит ближе к «Кройныке з летописцев стародавних» Феодосия Софоновича и может быть противопоставлена Густынской летописи, уделявшей первоочередное внимание Киеву как центру Русского государства. В концепции «Кройныки» наиболее сильно проявилась антитеза «волинской» и «судальской» ветвей Мономаховичей, что резко отличает ее от появившегося в последней трети XVII в. Киевского Синописа, противоположного ей в своих оценках некоторых исторических событий и персонажей (например, Андрея Боголюбского). «Кройныка» в этом смысле представляет интерес как более ранний этап осмысления древнерусской истории в землях Польско-Литовской Руси.

Литература

Грамоти XIV ст. / сост. М.М. Пещак. Київ: Наукова думка, 1974. 256 с. (Пам'ятки української мови).

Грушевський М. Хронологія подій Галицько-волинської літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1901. Т. XLI. С. 1–72.

Дергачева-Скоп Е.И. Сибирские летописи в исторической прозе XVII века: текст-контекст // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2000. Т. 1, вып. 1. С. 3–12.

Карнаухов Д.В. Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. 291 с.

Князьков Ю.П. Украинский хронограф как источник по отечественной истории: дис. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1984. 238 с.

Лаврский альманах / ред. рада: В.М. Колпакова (відп. ред.) та ін. Спецвип. 2: Синопис Київський / І.В. Жиленко. Київ: ВІПОЛ, 2002. 194 с.

Майоров А.В. Царский титул галицко-волинского князя Романа Мстиславича и его потомков // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1–2. С. 250–262.

Мыцьк Ю.А. Украинские летописи XVII века. Днепропетровск: Типография ДГУ, 1978. 87 с.

Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1894 г. СПб.: Синодальная типография, 1897. 190, 29, 12, 359 с.

Пештич С.Л. «Синопис» как историческое произведение // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XV. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 284–298.

Подопригора В.В. Густынская летопись XVII в. о борьбе за галицкое княжение в конце XII – первой трети XIII в. // Исторический курьер. 2019. № 2 (4). Статья 2. С. 5. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-02.pdf>

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 606 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 22: Русский Хронограф. М.: Языки славянских культур, 2005. 896 с.

⁶⁶ Приложение // ПСРЛ. Т. 32: Хроники Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи Баркулабовская, Аверки и Панцьрного. М., 1975. С. 214.

Полное собрание русских летописей. Т. 32: Хроники Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М.: Наука, 1975. 233 с.

Семенчук А.А. К вопросу об источниках хроники Мацея Стрыйковского // Славяноведение. 2014. № 2. С. 62–76.

Соболев Л.В. Генеалогическая легенда рода князей Острожских // Славяноведение. 2001. № 2. С. 31–44.

Pritsak O. Kiev and All of Rus': The Fate of a Sacral Idea // Harvard Ukrainian Studies. 1986. Vol. X, No. 3/4. P. 279–300.

Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkiój Rusi. T. I. Warszawa: G.L. Glücksberg, 1846. 392 s.

Strykowski M. О początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1978. 763 s.

References

Peshchak, M.M. (Ed.). (1974). *Gramoti XIV st.* [Acts of 14th Century]. Kyiv, Naukova dumka. 256 p. (Pam'yatki ukraïns'koï movi).

Grushevs'kiy, M. (1901). Khronol'ogiya podii Galits'ko-volins'koï litopisi [Timeline of the Galician-Volhynian Chronicle]. In *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. Lviv. Vol. XLI, pp. 1–72.

Peshtich, S.L. (1958). "Sinopsis" kak istoricheskoe proizvedenie [Synopsis as a Historical Work]. In *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 15, pp. 284–298.

Dergacheva-Skop, E.I. (2000). Sibirskie letopisi v istoricheskoy proze XVII veka: tekst-kontekst [The Siberian Chronicles in Historical Prose of 17th Century: Text-Context]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya*. No. 1, iss. 1, pp. 3–12.

Karnaukhov, D.V. (2010). *Kontseptsii istorii srednevekovoy Rusi v pol'skoy khronografii epokhi Vozrozhdeniya* [Concepts of the History of Medieval Russia in Polish Renaissance Chronography]. Novosibirsk, Izdatelstvo NGPU. 291 p.

Knyaz'kov, Yu.P. (1984). Ukrainskiy khronograf kak istochnik po otechestvennoy istorii [The Ukrainian Chronicle as a Source on National History], Cand. hist. sci. dis. Dnepropetrovsk. 238 p.

Zhilenko, I.V. (Ed.). (2002). Sinopsis Kiïvs'kii [Kievan Synopsis]. In *Lavr'skiy al'manakh*. Iss. 2. Kyiv, VIPOL. 194 p.

Maierov, A.V. (2009). Tsarskiy titul galitsko-volynskogo knyazya Romana Mstislavicha i ego potomkov [The Title of Tsar of Halych and Volyn' Prince Roman Mstislavich and His Descendants]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. No. 1–2, pp. 250–262.

Mytsyk, Yu.A. (1978). *Ukrainskie letopisi XVII veka* [Ukrainian Chronicles of 17th Century]. Dnepropetrovsk, Tipografiya DGU. 87 p.

(1897). *Otchet Imperatorskoy Publichnoy Biblioteki za 1894 g.* [Report of the Imperial Public Library for 1894]. St. Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. 190, 29, 12, 359 pp.

Podoprigora, V.V. (2019). Gustynskaya letopis' XVII v. o bor'be za galitskoe knyazhenie v kontse XII – pervoy treti XIII v. [The Report of Hustynja Chronicle of 17th Century on the Struggle for Principality of Halych in the Late 12th – First Third of 13th Century]. In *Historical Courier*. No. 1 (4). Article 2. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-02.pdf>

(1998). *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2: Ipat'evskaya letopis' [Hypatian Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury. 606 p.

(1975). *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 32: *Khroniki Litovskaya i Zhmoitskaya, i Bykhovtsa. Letopisi Barkulabovskaya, Averkii i Pantsyrnogo* [Chronographers Lithuania and Samogitia, and Bykhovets, Chronicles of Barkulabov, of Averka and Pantsyrny]. Moscow, Nauka. 233 p.

(2005). *PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 22: *Russkiy Khronograf* [The Russian Chronographer]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 896 p.

Pritsak, O. (1986). Kiev and All of Rus': The Fate of a Sacral Idea. In *Harvard Ukrainian Studies*. 1986. Vol. X, no. 3/4, pp. 279–300.

Sobolev, L.V. (2001). Genealogicheskaya legenda roda knyazey Ostrozhskikh [Genealogical Legend]. In *Slavyanovedenie*. No. 2, pp. 31–44.

Strykowski, M. (1846). *Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkiój Rusi*. T. I. Warszawa, G.L. Glücksberg. 392 p.

Strykowski, M. (1978). *O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia*. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy. 763 p.

Статья поступила в редакцию 04.01.2022 г.